

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ» ФЕДОРА АБРАМОВА

Национальная идея России заключается в патриотизме, но он не должен быть «квасным, затхлым и кислым». Так свое видение объяснил президент Владимир Путин, сообщает ТАСС. Президент добавил, что патриотизм должен быть посвящен развитию страны. Он также сказал, что не нужно постоянно хвататься за героическое прошлое страны, а надо смотреть и в ее успешное будущее.

Прошло уже – страшно сказать – 37 лет со дня ухода Федора Александровича Абрамова. Целая вечность, в которую уместились «гонки на лафетах», перестройка, Чернобыль, вывод советских войск из Афганистана и стран Восточной Европы, развал единой страны, ваучеризация и безвозвратное замораживание вкладов граждан, тотальное обнищание населения, гражданская война в центре Москвы, государственный дефолт, бесконечные региональные войны на просторах бывшего СССР, включая две жестоких войны в Чечне, разгул терроризма, чиновничий беспредел, циничное расхищение страны с последующим возникновением целого батальона сверхбогатых людей, большей частью предпочитающих жить за границей, разрыв дипломатических отношений с когда-то единой Грузией, кровопролитный конфликт в Украине, пандемия загадочного коронавируса. Перечисления даже части этих событий в иной стране хватило бы на несколько жизней. Но только не в России, где весь XX век, как и первые два десятилетия третьего тысячелетия – бесконечный непрекращающийся катаклизм.

Русские писатели-классики XIX века в подавляющем большинстве видели корень зла в генетической косности государственной власти, в отсутствии ясного понимания ею будущего страны, в запоздалой и, по большому счету, формальной – безземельной – отмене крепостного права. Половинчатые реформы Александра II в этом смысле лишь еще больше обострили и без того непримиримые противоречия в обществе, создавая благодатную почву для его радикализации, а в конечном счете, подготавливая грандиозный социальный взрыв. Остальное мы знаем хорошо, – количество жертв, искалеченных судеб, разрушенных семей в России за последние 150 лет исчисляется десятками миллионов.

При этом не было в нашей стране такого пусть даже самого короткого периода, когда бы на первое место, собственно, главной ценностью общественного сознания выступила бы жизнь конкретного человека. Не умозрительного, который представляет собой всего лишь статистическую рабочую единицу, бессловесный, обезличенный винтик в механизме, а вполне живого, уязвимого, со своими слабостями, проблемами, со своим частным интересом. В России на первом месте всегда и во всем стояло государство. Так было при царях, так было при Временном правительстве Керенского, так было при коммунистах и демократах, так происходит и теперь.

Для власти русский человек, – чаще всего безымянный, – существует как бы вообще, и не существует в частности. В формуле «любой ценой» всего чаще он этой самой ценой и является. Нам лишь в теории ведомо слово «гуманизм», но никогда ни в какое время он не становился в России принципом устройства жизни. От нашего человека всегда требовалось «отдать себя без остатка» и «ничего не требовать взамен». Разумеется, всегда находились люди, которые безжалостно и

беспардонно пользовались такого рода «узаконенным мироустройством», обтяпывая свои личные дела.

При этом важно учитывать кажущееся полным – чуть ли не безграничным – равнодушие со стороны собственно русского человека, с которым он сам относился и продолжает относиться к собственной жизни, к жизни своих самых близких людей. Объяснение этому «феномену» чаще всего также находят в горьком опыте тысячелетнего рабства, которое в России, в строгом смысле, закончилось лишь во второй половине XX века, с ощутимыми послаблениями в колхозном режиме, большей частью пришедшимися на брежневские времена. Однако никуда не девшаяся полицейщина, тотальный контроль и регламентирование самых элементарных сторон человеческой жизни так и не освободили русского человека, по-прежнему заставляя его с оглядкой относиться к каждому произнесенному слову.

Будущее России, как и тождественное ему в нашем случае понятие «национальной идеи» – это в первую очередь избавление гражданина России от страха собственной тени. Это пробуждения в нем чувства полноценного хозяина, которому есть, что защищать, есть, что любить, есть чему отдавать жизнь, есть, что передать своим детям. Конкретная человеческая жизнь, чувство собственного достоинства, уважение, если хотите, культ человеческой личности, требовательность к совести и совестливость – вот те краеугольные камни, на которых по Федору Абрамову должно на самом деле строиться здание всей нашей жизни. Видеть в человеке Человека – это и есть единственный настоящий патриотизм, настоящая «национальная идея». И никакие разговоры об абстрактном патриотизме, замешанном на столь же абстрактном и вместе с тем абсолютно демагогическом «народовластии», где, собственно, человеку, как представителю народа, отводится чрезвычайно специфическая пассивная роль бессловесного члена стада, никогда не смогут в любой хоть сколь-нибудь обозримой перспективе сподвигнуть этого самого человека на осознанное строительство собственного будущего.

В этом человекоцентричном взгляде на жизнь коренное отличие классической русской литературы от традиционного чиновничьего пустословия. Не человек для государства, а государство для человека. Все и на всех уровнях должно быть подчинено только этой, ясно выраженной, предельно гуманной «национальной идее», завещанной нам великим русским писателем и гражданином Федором Александровичем Абрамовым.

Тэмо Эсадзе